

От редакции: В этом году исполнилось 85 лет Павлу Семеновичу Гуревичу – известному ученому, главному научному сотруднику Института философии РАН, кандидату исторических наук, доктору филологических наук, доктору философских наук, профессору.

В центре научных интересов Павла Семеновича – философская антропология в различных ее аспектах (от психоаналитических до культурологических). Его работы, затрагивающие острую гуманитарную тематику, привлекают внимание читателей.

Павел Семенович – автор нашего журнала и коллега (он является редактором целого ряда философско-гуманитарных журналов). Мы поздравляем юбиляра, желаем ему крепкого здоровья и успехов в творческой деятельности.

Ницше о человеческих страстях

П.С. Гуревич

Ф. Ницше представлен в статье как проницательный исследователь эмоционального мира человека. Выступив против культа рассудочности, немецкий философ прежде всего дал высокую оценку человеческим страстям. Он предложил своеобразную инвентаризацию человеческих чувств, показал, что одно и то же эмоциональное состояние (гнев, ненависть, трепет) по-разному оценивается в конкретных культурах. Феноменология чувств в трактовке Ницше является важным фрагментом его философско-антропологического учения. Представление о человеке невозможно без глубинного изучения его внутреннего мира. Ф. Ницше едва ли не первым в европейской философии реабилитировал страсти, трактуя их законность, энергетическую мощь и огромную роль в человеческой истории. Вместе с тем философ показал парадоксальность всех человеческих чувств, их подвижность и способность к обнаружению «изнанки». Ницше раскрыл диапазон человеческих чувств, обратив особое внимание вслед за С. Кьеркегором на такое переживание, как страх. Его суждения на этот счёт затем получили дальнейшую разработку в сочинениях К. Ясперса, М. Хайдеггера, Ж.-П. Сартра. К. Ясперс в своей докторской диссертации и книге «Общая психопатология» развил многие положения Ф. Ницше о чувствах.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: человек, страсть, чувство, рассудочность, фанатизм, любовь, скорбь, трепет, страх, страдание, катарсис, злоба, ресентимент, сострадание, тревога.

ГУРЕВИЧ Павел Семёнович – доктор философских наук, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора истории антропологических учений Института философии РАН, Москва.

gurevich@rambler.ru; gurevichiph@gmail.com
<https://iphras.ru/gurevich.htm>

Статья поступила в редакцию 17 октября 2017 г.

Цитирование: Гуревич П.С. Ницше о человеческих страстях // Вопросы философии. 2018. № 8. С. 42–51.

Ницше о культе рассудочности. Идейное наследие Фридриха Ницше исследовано к дню нынешнему весьма обстоятельно. И все же, я полагаю, есть основания утверждать, что системе его взглядов на человеческие страсти и эмоции в философской литературе уделялось недостаточно внимания. Между тем именно этой системой он, пожалуй,

наиболее радикальным образом отмежевался от классической традиции. Ницше задался вопросом, в чём заключается «страшная сила» общепринятых в его время общих суждений о «человеке». Почему «...все эти неизвестные самим себе люди верят в бескровную абстракцию “человека”, то есть в фикцию; а любое изменение этой абстракции, производимое суждениями немногих обладающих силой (к примеру, правителей и философов), воздействует на огромное большинство в сверхобычной и выходящей за всякие рамки степени – и все это происходит по той причине, что каждый отдельный представитель этого большинства не может противопоставить всеобщей бесцветной фикции никакого реального, доступного и ясного ему *ego*, а тем самым и развеять названную фикцию» [Ницше 2014⁶, 84–85].

Отвлечённое представление о человеке Ницше связывал с игнорированием эмоциональной жизни людей, которая репрессируется рассудочной философской традицией. Было бы преувеличением сказать, что в наследии немецкого философа можно обнаружить логически выверенное, стройное учение о человеческих чувствах. Общая позиция философа складывается из разрозненных суждений, высказанных, как правило, по частному поводу. При этом обнаруживается множество противоречий, непоследовательных умозаключений. Но во всех его суждениях можно различить направленность против диктата просветительской рационалистической традиции, культивирующей разум и третирующей мир человеческих переживаний.

В течение ряда веков страсть в европейском сознании толковалась как безоговорочно негативный феномен. Предполагалось, что именно чувство при всем его разнообразии мешает ясной и продуктивной работе ума. Разумеется, это было ошибкой, однако отчасти оправданной. Изучение интеллекта показало, что литургически стройной активности мысли вредят непрощенные, человеческие страсти. Начиная с Нового времени мудрецы ведут яростную войну против эмоций, которые, по их мнению, рожают заблуждение, пороки, иллюзии. Человеческая природа и разумность оказываются синонимами. Тот, кто становится жертвой страсти, утрачивает рассудочность.

Со времён Платона было известно, что эмоции в немалой степени уравнивают людей и животных. Вот почему античный философ, рисуя структуру человеческой психики, ставит эмоции в самое её подножье. И Ницше не забывает о низложении чувств Платоном. «О чём говорит тот факт, что наша культура не просто терпима в отношении слёз, жалоб, упреков, жестов ярости или уничтожения – а что она одобряет их и причисляет к благородным неизбежностям? – В то время как дух античной философии взирал на них с презрением, не признавая никакой необходимости в них? Вспомним хотя бы, как Платон – отнюдь не самый бесчеловечный из философов – рассуждает о Филоктете как сценическом персонаже. Так, может быть, нашей современной культуре не хватает “философии”? Может быть, с точки зрения древних философов, все мы вместе взятые – не более чем “плебс”?» [Ницше 2014⁶, 132].

Платоновский идеал человека несовместим с культом естественных выражений чувств. Но сам Ницше судит о множестве человеческих переживаний: о нежности и фанатизме, любви и пафосности, гордыне и смирении, страдании и жестокости, ненависти и мести, трепете и скорби. Он стремится подчеркнуть самостоятельность эмоционального мира людей, его автономность по отношению к рациональности. Хотя делает это далеко не всегда последовательно.

Ф. Ницше в этом отношении выступает как полемист, например, по отношению к Ф. Бэкону. Бэкон оценивал эротическую страсть как безумие. Он предупреждал, что это переживание неизбежно ведет к эксцессам. Оно идёт наперекор природе истинной ценности вещей. Тот, кто ценит любовную привязанность, поясняет Ф. Бэкон, теряет и богатство, и мудрость. Эротическая страсть достигает высшей точки во времена, когда, по его словам, люди оказываются слабыми, когда наступает либо великое процветание, либо великое бедствие. Тогда люди забывают, что страсть – дитя безрассудства. Так что лучше всего не допускать любви, удерживать её в подходящих оковах. Любовь, полагал Бэкон, занимает весьма незначительное место в истории человечества. Муж зрелый, озабоченный государственными делами, или мудрец, постигающий таинства мира, вряд ли впадёт в любовное исступление.

И в XVII в. страсти подверглись подробнейшему изучению. Каким образом можно их взять под контроль? Философы не теряют надежды найти способ преобразования разрушительных страстей и направить их в созидательное русло. Паскаль, восхищаясь величием человека, отмечает, что тот смог вывести из похоти восхитительное устройство — он имеет в виду социальную организацию, которую Паскаль и характеризует как «такой замечательный порядок» [Паскаль 1995, 103]. Мысль о том, что общество, в основе которого лежит себялюбие, а не милосердие, демонстрирует большую жизнеспособность, хотя и остаётся по-прежнему греховным, присутствует у многих янсенистов, современников Паскаля. Установка на рацио, естественно, привела к дискредитации чувств, в которых всегда таятся разрушительные опасности. И тем не менее в европейском сознании все более укреплялось убеждение, что разум не может подавить страсти. В работе «Антропология с прагматической точки зрения» Кант приходит к убеждению, что сама человеческая природа, по неизвестным нам причинам, время от времени ослепляет разум. Однако антропологический идеал Просвещения — рассудочный христианский аскет, сумевший втиснуть эмоции в русло благоразумия.

Разумеется, засилье рассудочности осознавалось многими мыслителями. О значении эмоций в жизни людей писал Ж.-Ж. Руссо. Ницше даже иронизирует по этому поводу, высмеивая готовность Руссо раскрыть объятия каждому человеку. «Со времён Руссо, — пишет Ницше, — восхвалялась непосредственность чувства, способность броситься кому-нибудь на грудь, извергнуть свой гнев, будто слюну, и т.д. Странно, что все великие мудрецы морали требовали ровно обратного! — Сдержанности чувств — и достоинства в поведении человека нравственного. Есть прелестные, совершенные души, которым это, вероятно, подобает, потому что в них нет ничего чрезмерного... <...> Даже добрые и внушающие уважение чувства, выраженные неумеренно и прямолинейно, вызывают к себе отвращение: наверное, каждому хоть раз в жизни приходилось посылать ко всем чертям сострадание, не умеющее держать себя в рамках» [Ницше 2013, 121].

Собственная позиция Ницше здесь выражена туманно. То, что великие мудрецы призывали сдерживать свои эмоции, философ сопровождает оценкой «странно». Вполне ощутима ирония и во фразе: «Сдерживать чувство — в этом всё достоинство нравственного человека!» Но мысль в целом сводится, судя по всему, к известной фразе из «Евгения Онегина»: «Учитесь властвовать собою...». Поддерживая законность естественных эмоций, Ницше вроде бы хочет сказать: «...не всякий вас, как я, поймёт...». Безмерную чувствительность он явно осуждает. В этой связи нельзя не напомнить, что в европейской культуре сквозь пелену рассудочности прорвался сентиментализм. Не случайно незатейливая, но назидательно-чувствительная повесть Н.М. Карамзина «Бедная Лиза» не только завоевала сердца читателей, но и вызвала к жизни целое литературное направление [Спирова 2016]. Да ведь и Пушкин оценил слёзы как жизненную драгоценность. Он, собственно говоря, и перечислил слагаемые душевной жизни человека, которые рождают упоение, «и божество, и вдохновенье, и жизнь, и слёзы, и любовь».

Однако, так или иначе, усилиями психиатров в пору Ницше страсть оценивалась как пограничное психиатрическое состояние. В конце XIX в. значительную популярность имела книга Франца Нордау «Вырождение». В этой работе он ставил психиатрический диагноз выдающимся писателям — Ф. Ницше, Л. Толстому, О. Уайльду и другим властителям дум своего времени. Нордау не столько давал зачастую занимательную и парадоксальную трактовку творчеству этих мастеров культуры, сколько обосновывал свои сомнения в их психическом здоровье. Более того, Нордау пришёл к выводу, что речь может идти не только о психопатических расстройствах ряда виднейших мыслителей и писателей. Он полагал, что их творчество свидетельствует об общем процессе вырождения, идущем в Европе. Нордау демонстрирует, что картина клинического вырождения приложима к разным выдающимся писателям, композиторам, художникам — Полю Верлену, Стефану Малларме, Генрику Ибсену, Рихарду Вагнеру, Эмилю Золя, Льву Толстому, Анатолию Франсу. Он предлагает клинические подробности и обстоятельные психологические зарисовки. Кстати, его учитель Ч. Ломброзо

тоже относил Л.Н. Толстого к разряду безумцев с дурной наследственностью, но после встречи с ним публично признал свою ошибку. Сам Нордау полагал нормой последовательное, логическое, беспристрастное рассуждение. Нордау исследует личности выдающихся, великих, неординарных мыслителей, художников, писателей и поэтов, но в качестве нормы предлагает нечто усреднённое.

Реабилитация страсти. Ницше утверждал, что новые мысли, новые взгляды и цели в истории возникали не по рассудочному расчёту, а в результате захваченности страстью, которая окружающими зачастую воспринималась как сумасшествие. Он писал: «Понятно ли вам, почему именно безумие? Что-то в голосе и повадках, столь же жуткое и не дававшееся рассудку, как демонические ужимки погоды и моря, и потому достойное той же робости и внимания? Что-то столь явственно обнаруживавшее признаки полнейшей недобровольности, подобное судорогам и пене изо рта у эпилептиков, и потому, казалось, представлявшее безумцев масками и рупорами божества?» [Ницше 2014⁶, 25–26].

По мнению Ф. Ницше, даже животные слушают голоса собственной страсти. Они не хотят, чтобы их обманули. «Животное оценивает движения своих врагов и друзей, вдоль и поперёк изучает их особенности, согласуя с ними своё поведение: при виде представителей определённого вида оно никогда не будет проявлять враждебности, а при появлении некоторых видов животных будет показывать стремление к миру и согласию» [Ницше 2014⁶, 35]. Страсть не унижает и не оскорбляет и человека. Напротив, она служит меткой «сверхчеловеческого». «Все институты, снабжающие страсть *верой в её длительность* и наделяющие её долгосрочной ответственностью вопреки природе страсти, подняли её на уровень выше: и тот, кого теперь охватывает такая страсть, видит себя не униженным или поставленным ею под угрозу, как прежде, а возвышенным над собою или себе подобными. Вспомним об институтах и обычаях, превративших сиюминутное пылкое чувство преданности в “верность до гроба”, порывы гнева — в неутолимую месть, отчаяние — в вечную скорбь, раз вырвавшиеся слова — в обязательство на всю жизнь. И всякий раз такое превращение в изобилии порождало лицемерие и ложь: но вместе с тем всякий раз — и именно эту цену — какое-то новое, *сверхчеловеческое*, возвышающее человека представление» [Ницше 2014⁶, 35–36].

Как поступают люди, охваченные страстью? Ницше полагает, что некоторые люди сразу борются против неё и попадают под власть другого соблазна. Другие, ожидая, что страсть принесёт ещё больше удовлетворения, легко обманываются. Тогда они начинают мстить страстям. Наконец, есть и такие, которые, чувствуя себя слабыми, робкими, готовы сразу капитулировать. Они поступают вопреки зову страсти. Но здесь Ницше успевает дать собственную оценку. Он саркастически замечает: «И всё это называется величием духа!»

Однако, по мнению Ницше, человек не должен быть заложником страсти. Он размышляет о способах преодоления страсти (см.: [Ницше 2014⁶, 88–89]). Сами по себе эти рассуждения Ницше банальны и шатки. Он постоянно опирается на рассудочные доводы. Он ставит страсть под контроль нравственных норм. Нет слов, моральные соображения оказывают воздействие на табуирование страстей. Однако вор, взвешивая выгоду, далеко не всегда считается с общественным мнением. «Сюда же относятся случаи, когда гордость человека восстаёт (как, к примеру, у лорда Байрона и Наполеона), восприняв как оскорбление победу отдельного аффекта над самообладанием и разумной упорядоченностью всей своей жизни: тогда отсюда рождается привычка и охота тиранить влечение и словно заставлять его скрежетать зубами» [Ницше 2014⁶, 89]. Но в истории мы находим многочисленные примеры, когда состояние аффекта побеждает другие, более значимые чувства.

Ницше рассматривает также метод преодоления страсти. Жертва страсти решительно направляет свои усилия в сторону другого соблазна. Она буквально покровительствует новой страсти. Таким образом, она не позволяет искушению оказаться тираном. «И наконец... тот, кто сможет выдержать и сочтёт разумным ослабить и подавить *всю* свою телесную и душевную организацию, тот, конечно, тоже добьётся ослабления отдельного сильного влечения...» [Ницше 2014⁶, 89].

Впрочем, проведя инвентаризацию страстей, Ницше и сам признаёт, что ни один метод не может побороть упорство страсти. На самом деле, рассуждает философ, вовсе не интеллект определяет направленность чувств. Он сам оказывается орудием других страстей, среди которых страх позора или погружение в любовь становится захватывающим. Когда мы возносим жалобы на конкретную страсть, на самом деле получается, что одна страсть жалуется на другую. Это, по сути дела, чисто психоаналитическое утверждение, некое предвестие фрейдовской мысли. Особую боль причиняет та страсть, которая сильнее. Она и вступает в борьбу с другими вожделениями. Интеллект всё же принимает участие в этом состязании.

Диапазон человеческих переживаний. Ницше обратил внимание на многообразие человеческих чувств, на их диапазон. Амплитуда эмоциональных состояний человека огромна — от пафоса до медитативной отрешённости, от эмоционального потрясения до бесчувствия, от фанатизма до бесстрастия. Чувства человека, согласно Ницше, открывают мир горьких и страшных мучений. Они нередко сродни безумию. «Не всякий осмелится заглянуть в дебри жесточайших и совершенно излишних душевных конфликтов, в которых, вероятно, изнывали как раз самые способные люди всех времён! Не всякий отважится услышать мольбы отшельников и помешанных: “Боги небесные, ниспослите же мне безумие! Безумие, дабы я наконец поверил в себя! Ниспослите горячку и судороги, ослепительные молнии и бездны мрака, ужасните меня стужей и зноем, каких ещё не знал никто из смертных, и пусть вокруг меня поднимется буря, замаячат призраки, пусть я буду выть и визжать, катаясь по земле, как животное, — лишь бы я нашёл в себе веру! Меня пожирает сомнение, я умертвил закон, и закон пугает меня, словно труп — животного: если я не *выше* закона, то я самая отверженная из всех тварей. Этот новый дух, что есть во мне, — откуда он, если не от вас? Докажите же мне, что я — ваш; а докажет это только безумие”. И это страстное томление слишком часто попадало точно в цель...» [Ницше 2014⁶, 27].

В мировой психологии укоренилось представление о различении «хороших» и «плохих» чувств. Ф. Ницше считал это различение исторически условным. Иначе говоря, оценка той или иной эмоции зависит от культурного контекста. В частности, он отмечал, что утончённая жестокость может выступать в роли добродетели [Ницше 2014⁶, 28]. На этой мысли Ницше настаивает постоянно. Чаще всего он апеллирует к античной культуре. Так, он полагает, что древние греки понимали зависть иначе, чем мы. «Гесиод относит его к проявлениям *доброй*, благотворительной Эриды, а ведь богам не следовало приписывать ничего предосудительного, в том числе зависти: понятно, что это было возможно при таком порядке вещей, душою которого выступал раздор; раздор же оказался квалифицирован и оценён как добро. Точно так же греки отличались от нас и в оценке *надежды*: её считали слепой и коварной; Гесиод выразительно обрисовал её в притче, сказав нечто столь поразительное, что ни один современный интерпретатор сказанного так и не понял — ведь оно претит нынешнему складу ума, приученному христианством к вере в то, что надежда — это добродетель» [Ницше 2014⁶, 42–43].

То, что античные боги не были лишены зависти, ещё не означает, что в античной культуре зависть имела только некий поощрительный статус. Древние греки понимали пагубность зависти и в своих коллективных действиях стремились минимизировать её негативное воздействие на людей. Участники состязаний славились не только тем, что достигали рекордов. Агон предполагал, что победитель должен оказать содействие тем, кто не добился окончательной победы. Дух соперничества не исключал помощи и солидарности [Щербина 2006].

Иначе, чем мы, по мнению Ф. Ницше, воспринимали иудеи такое эмоциональное состояние, как гнев: «...они канонизировали его: для этого они вознесли в своём сознании мрачное величие, связанное с проявившим гнев человеком, на такую высоту, которой европейцы не могут себе и представить; они создали Иегову с его священным гневом по образу своих пророков с их священным же гневом» [Ницше 2014⁶, 43]. Ницше тоже сетовал на то, что возвышение чувств, под которым он понимал более сложное эмоциональное образование, рождает подозрение, словно они связаны с безу-

нием и бессмыслицей. Такие эмоциональные состояния с трудом поддаются очищению. Оно происходит предельно медленно. При этом Ницше пытался «оправдать» гнев, не причислять его к негативным эмоциям. В церковном сознании тоже отмечается праведный гнев как мудрая сила. Не всегда гнев оказывается отрицательной эмоцией, поскольку выполняет порой благородную миссию: борьбы против греха, против несправедливости.

Таким образом, Ницше ставит проблему историко-культурного анализа чувств. Они вовсе не являются неоспоримой антропологической данностью. В одной культуре, скажем, в античной, гнев осуждается как страсть, предлагается психологическая техника, позволяющая контролировать и обуздывать эту эмоцию. В другой культуре, например иудейской, согласно Ницше, гнев оказывается благородной и пророческой страстью. История даёт внушительные примеры благородного гнева, а искусство воплощает эту страсть в многочисленных образах.

В то же время Ницше склонен считать, что такого рода оценки не всегда точны, поскольку наши влечения зависят от моральных суждений. Если, скажем, в определённой культуре в силу нравственных повелений какое-то проявление эмоций осуждается, то, естественно, такое влечение окажется для многих негативным. «Такое-то влечение превращается в чувство мучительной *робости* под гнётом осуждения, вынесенного ему традицией, или в приятное чувство *смирения* — если традиция, какова, скажем, христианская, отметила его для себя и *одобрила*. Иными словами, на него взваливается чистая или нечистая совесть! Само по себе оно, *как и любое другое влечение*, не обладает ни таким, ни моральным характером и репутацией вообще и даже не сопровождается тем или иным ощущением удовольствия или страдания: но всё это становится его второю природой, лишь когда оно начинает ассоциироваться с влечениями, уже окрещёнными именем хороших либо плохих, или же осознаётся как качество людей, уже морально квалифицированных и оценённых народом» [Ницше 2014⁶, 42].

Парадоксальность эмоциональных состояний. Безразличие, понятное дело, не отнесёшь к полюсу чувств. Но разве наша эмоциональная жизнь имеет столь узкий ресурс? Психологи утверждают, что спектр наших эмоциональных переживаний гораздо богаче. Другие состояния рождаются путём скрещивания, наложения одной базовой эмоции на другую. Допустим, ненависть — это растворение злости и страха. Американский психолог К. Изард предложил развёрнутый список фундаментальных эмоций. Так, он выделил страдание как отрицательное эмоциональное состояние, связанное с полученными сведениями о возможности или невозможности удовлетворения важнейших жизненных потребностей. Однако смысл страдания раскрыт в данном случае не полностью. Существует, согласно Ф. Ницше, мораль добровольного страдания, которая не позволяет назвать эту эмоцию только отрицательной. Страдание, размышляет Ницше, для многих открывает более глубокий мир правды. Немецкий философ часто анализировал страдание.

Разумеется, такое отношение к страданию характерно не только для Ф. Ницше. В романах Леопольда фон Захер-Мазоха «Венера в мехах», «Демонические женщины» раскрыта драматургия наслаждения и мучений. С потрясающей психологической силой писатель показывает, как мужчины слабеют под гнётом собственной страсти и становятся покорными рабами женщин. Но этот добровольный плен не тяготит героев. Напротив, они испытывают наслаждение от тех нравственных и физических мучений, которым подвергают их жестокие возлюбленные. Страдание, вызванное невозможностью удовлетворения страсти, оказывается не столько отрицательной, сколько положительной эмоцией.

Но здесь обнаруживается ещё один парадокс. Страдальцы тоже получают наслаждение. О страдании в современной философии написано достаточно много. Ещё Платон, Аристотель, Эпикур, Сенека пытались осмыслить сущность и назначение этого человеческого переживания. Его смысл усматривали в духовном очищении — катарсисе. Ницше придаёт этому состоянию прямой философско-антропологический смысл. В каждом человеке, по мнению Ницше, живут тварь и творец, в каждом есть глина, грязь, бессмыслица, хаос. И человек должен страдать, чтобы из твари стать творцом, чтобы «обжечь» себя и добиться «твёрдости молота».

С понятием страдания связан еще один смысловой пласт. Позволю себе процитировать наши с Э.М. Спировой рассуждения. «Со страданием связано понятие сострадания, которое является основой христианской морали — именно благодаря состраданию к окружающим людям человек очищается, преодолевает собственный животный эгоизм. Сострадание — это и опыт непосредственного мистического проникновения в чужое Я. Однако, с точки зрения Ницше, сострадание умаляет человеческое достоинство, принижает человека. Человек, пытающийся выковырять из себя человека, достоин не сострадания, а любви. Сострадание, по Ницше, — черта рабской морали» [Гуревич, Спирова 2016, 165]. При этом он отчетливо осознавал, что такая интерпретация недостаточна, поскольку сострадание всегда сильнее страдания. «К примеру, когда кто-то из наших друзей совершает что-то постыдное, мы переживаем это куда сильнее, чем когда совершаем это сами. Ведь, во-первых, мы верим в чистоту его души больше, чем он сам; во-вторых, наша любовь к нему — наверное, как раз из-за этой веры — сильнее, нежели его любовь к себе. Хотя его эгоизм и впрямь страдает при этом больше, чем наш собственный, поскольку ему приходится нести более тяжкий груз скверных последствий своего проступка, но неэгоистическое начало в нас — это слово не следует понимать в строгом смысле, оно только усиливает возможность донести суть дела — всё-таки страдает от его провинности сильнее, чем неэгоистическое начало в нём самом» [Ницше 2011, 61].

Ницше понимал, что страдания идут рука об руку с ипохондрией, которая овладевает «...теми одинокими, истово верующими людьми, у которых всегда перед глазами стоят картины страстей и умирания Христа» [Ницше 2011, 61]. И под влиянием ипохондрии страдание множится. «Значит, жажда возбуждать сострадание, — пишет Ницше, — это жажда ощущения собственной ценности, и притом за счёт окружающих; человек проявляет в ней всю беззащитность своего драгоценного “я” — но отнюдь не свою “глупость”, как думает Ларошфуко» [Ницше 2011, 63].

Ницше обладал особой интеллектуальной интуицией, потому он смог увидеть, что за страданием скрываются столь разные экзистенциальные переживания, как озлобленность, жестокость. «В таких бесчисленных, но очень мелких дозах, в каких проявляется злоба, она оказывается мощным стимулятором жизни...» [Ницше 2011, 64].

О злобе. Полагаю, что Ницше можно назвать основателем «мизантропологии». Он не идеализирует человека. «Мизантропия, — писал Ницше, — есть следствие слишком ненасытной любви к людям и “людоедства” — но кто же просил тебя глотать людей, как устриц, мой принц Гамлет?» [Ницше 2014^a, 457].

Как мы уже писали: «В основе мизантропологии Ницше лежит не ненависть к человеку, а презрение к нему. По его мнению, ненависть оплачивается слишком дорого. Немецкий философ приближается к проблеме двойственности (амбивалентности) человеческих чувств. Любой идеал, согласно Ф. Ницше, — школа любви и ненависти, а также почтения и презрения. Задолго до Фрейда немецкий философ пытался показать сплетение противоречивых чувств: в каждой любви таится ненависть, в ненависти прячется любовь. Вот почему Ницше заявляет, что он не мизантроп... Подлинным мизантропом он считал Тимона Афинского (V в. до н. э.). Этот человек разочаровался в друзьях и согражданах и поэтому стал отшельником. Тимон упоминается в сочинениях Лукиана, на основе которых были написаны трагедия Шекспира “Тимон Афинский” и “Человеконенавистник” Шиллера» [Гуревич, Спирова 2016, 166–167]. «Чтобы ненавидеть так, как прежде ненавидели человека, по-тимоновски, целиком, без всяких скидок, от всего сердца, изо всей любви ненависти, — для этого следовало бы отказаться от презрения: а какой утонченной радостью, каким терпением, каким даже добродушием обязаны мы именно своему презрению!» [Ницше 2014^a, 577]. Ницше указывает на отличия ненависти (в которой есть и страх, и уважение) и презрения. Он полагает, что «...от всякого общения с людьми нас слегка трясёт; что при всей нашей кротости, терпеливости, человечности, учтивости мы не в силах уговорить собственный нос отказаться от своего предубеждения к близко стоящему человеку; что мы тем больше любим природу, чем меньше в ней человеческого, и искусство, *если* оно есть бегство художника от человека, или насмешка художника над человеком, или насмешка художника над самим собой...» [Ницше 2014^a, 577–578].

На мой взгляд, феномен злости, как ее понимал Ницше, неразрывно связан с понятиями «рессентимента» и «образа врага». «Уже в средние века “образ врага” был поставлен на поток. Он лепился истово, с использованием всех вытесненных влечений и враждебных импульсов. Ведь вождь протестантизма Мартин Лютер, по заключению Эриха Фромма, был авторитарной личностью. Чем обусловлена его безмерная ненависть к католицизму? Раздвоенностью натуры. Он ненавидел других, особенно “чернь”, презирал себя, отвергал жизнь, и из этой ненависти выросло страстное и отчаянное стремление быть любимым. Вся его жизнь прошла в непрерывных сомнениях, во внутренней изоляции. На такой личной почве он и смог стать глашатаем тех социальных сил, которые находились в аналогичном психологическом состоянии, — несли сокрушительный заряд неприязни» [Гуревич 2001, 14].

Примечательно, что, с точки зрения Ницше, «герои» и «чернь» страдают по-разному. Для него было очевидно, что «...пуше всего страдают они (величественные натуры. — П.Г.) от неблагородных, мелочных вспышек, выводящих их из себя в какие-то злые мгновения, короче, от сомнений в собственном величии — и вовсе не от жертв и мученичества, которых требует от них их задача. Пока Прометей сострадает людям и жертвует собою ради них, он счастлив и велик в себе самом; но стоит ему почувствовать зависть к Зевсу и к почестям, оказываемым последнему смертными, как он начинает страдать!» [Ницше 2014^a, 474]. Только благодаря отваге героев сохраняется человечество (причем страдание в этом контексте тоже приобретает героическую окраску). Но и герои остаются несчастными и страдают не меньше низших слоев общества. «В большинстве благоденствий, — пишет философ, — оказываемых несчастным, чем-то возмутительным выглядит то интеллектуальное легкомыслие, с которым страдающий корчит из себя судьбу; ему неизвестно ровным счётом ничего о внутренних последствиях и коллизиях, которые и называются *моим* или *твоим* несчастьем!» [Ницше 2014^a, 519–520]. Это означает, что для людей страдание имеет общеобязательный характер (только через тернии человек движется к звездам).

Страх и скорбь. Ницше показал, что человек постоянно объят чувством страха. Столкнувшись с жестокостью в древней общине, люди полагали, что боги радуются и наслаждаются жестокими сценами, которые возникают по произволу людей. Так, члены общины впадали в страх и сомнение. Всякого рода неудачи лишь укрепляли это состояние: видя наше несчастье, боги, возможно, отнесутся к нам милостиво. Вот почему страдание зачастую оказывалось добровольным. Жестокое самобичевание оценивалось как должное и продуктивное. «Чем дальше именно их дух заходил по новым путям, — пишет Ницше, — а значит, терпел муки совести и страх, тем более люто ярились они на свою плоть, свои влечения и своё здоровье, — словно чтобы предложить божеству некую компенсацию за наслаждение, на тот случай, если оно раздражено небрежением и забвением обычаев и новыми ориентирами» [Ницше 2014^b, 29].

Ницше следует за С. Кьеркегором в различении страха и трепета. Различие этих состояний позже найдёт освещение в работах К. Хорни, М. Хайдеггера и Ж.-П. Сартра. Касаясь темы экзистенциального страха, Сартр приводит пример с путником, который идёт по тропинке над бездной. Причинный страх здесь объясним: одно неосторожное движение, и можно погибнуть. Но есть ещё одна разновидность страха — экзистенциальная: путник прокручивает в своём сознании смертельный полёт в пропасть.

Оскудение чувств. По мнению Ф. Ницше, многие чувства, которые когда-то питали возвышенность человеческого духа, померкли, утратили свою ценность. Философ писал о неизбежности смертной скорби, считая это чувство неотъемлемым для человека. Люди всех времён сталкиваются со смертью, обездоленностью, бедствиями и лишениями. И всё же едва ли не в каждой культуре складывается уникальное отношение к скорби. Она может восприниматься как архаическое эмоциональное состояние, как дань ритуальной традиции, психиатрический симптом или как глубинное выражение духа. За последние века скорбь утратила сакральный смысл. Выявилась психологическая усталость от страданий, которые выпали на долю человечества. Скорбь стала замещаться показной меланхолией, горе — бесстрастным сочувствием, отчаяние — сублимационной тоской по радостям жизни.

Между тем скорбь нужна, чтобы человек сохранил в себе возвышенный образ мысли. Без неудач и страданий нельзя измерить глубину человеческого бытия. Печаль и скорбь могут возникнуть вследствие утраты идеалов или свободы, вследствие утраты дружеских отношений или значимых объектов. В философской литературе нашего столетия появилось понятие «работа скорби». Трагические события минувшего века, потрясшие человечество, обострили онтологический спор о смысле бытия. Тревогу вызывает то, например, что оплакивание зачастую воспринимается как архаическое преувеличение [Подорога 2013]. Ведь скорбь – вечная тема жизни и искусства. Её забвение – угроза человечеству, полагал Ницше.

Источники – Primary Sources in Russian Translation

Ницше 2011 – *Ницше Ф.* Полн. собр. соч.: в 13 т. Т. 2: Человеческое, слишком человеческое. Книга для свободных умов. В 2 т. М.: Культурная революция, 2011 [Nietzsche, Friedrich *Menschliches, Allzumenschliches. Ein Buch für freie Geister* (Russian translation, 2011)].

Ницше 2013 – *Ницше Ф.* Полн. собр. соч.: в 13 т. Т. 9: Черновики и наброски 1880–1882 гг. М.: Культурная революция, 2013 [Nietzsche, Friedrich *Nachgelassene Fragmente, (1880–1882)* (Russian translation, 2013)].

Ницше 2014^a – *Ницше Ф.* Весёлая наука // Ницше Ф. Полн. собр. соч.: в 13 т. Т. 3. М.: Культурная революция, 2014. С. 313–583 [Nietzsche, Friedrich *Die fröhliche Wissenschaft* (Russian translation, 2014)].

Ницше 2014^b – *Ницше Ф.* Утренняя заря. Мысли о моральных предрассудках // Ницше Ф. Полн. собр. соч.: в 13 т. Т. 3. М.: Культурная революция, 2014. С. 10–307 [Nietzsche, Friedrich *Morgenröthe. Gedanken über die moralischen Vorurtheile* (Russian translation, 2014)].

Паскаль 1995 – *Паскаль Б.* Мысли / Пер. с фр. Ю. Гинзбург. М.: Изд-во имени Сабашниковых, 1995 [Pascal, Blaise *Pensées* (Russian translation 1995)].

Ссылки – References in Russian

Гуревич 2001 – *Гуревич П.С.* Образ врага // Независимая газета. 2001. 14 марта. № 44 (2354). С. 14–16.

Гуревич, Спинова 2016 – *Гуревич П.С., Спинова Э.М.* Про несбывание дзюта (об отношениях Лу Андреас-Саломе и Фридриха Ницше) // Философская антропология. 2016. Т. 2. № 1. С. 152–176.

Подорога 2013 – *Подорога В.А.* Kairos, критический момент. Актуальное произведение искусства на марше. М.: GRUNDRISSE, 2013.

Спинова 2016 – *Спинова Э.М.* Философские предпосылки сентиментализма // Николай Карамзин и исторические судьбы России. К 250-летию со дня рождения / Общ. ред. и сост. А.А. Кара-Мурзы, В.Л. Шаровой, А.Ф. Яковлевой. М.: Аквилон, 2016. С. 65–87.

Щербина 2006 – *Щербина А.В.* Конкуренция как проявление агональности в экономической культуре: автореф. дис. ... докт. филос. наук. Ростов-на-Дону, 2006.

Nietzsche on the Human Passions

Pavel S. Gurevich

F. Nietzsche is presented in the article as a penetrating phenomenologist of the emotional world of man. Coming out against the cult of rationalness, the German philosopher, first of all, put much value upon human passions. He proposed a kind of inventory of human feelings, showed that one and the same emotional state (anger, hate, awe) can be differently assessed in particular cultures. The phenomenology of feelings in Nietzsche's interpretation appears as an inalienable part of his philosophical anthropology. No conception of man can be possible without a profound study of his inner world. F. Nietzsche was almost the first in European philosophy to rehabilitate passions, interpreting their vigour, powerfulness and great role in the history of mankind. At the same time, the philosopher has shown the paradoxicality of all human feelings, their lability and ability to reveal the «seamy side». Nietzsche has elucidated the spectrum of human feelings, paying special attention – following S. Kierkegaard – to such an experience as fear. His views on fear were further elaborated in the works by K. Jaspers, M. Heidegger, J.-P. Sartre. K. Jaspers in his doctoral dissertation and the book «General psychopathology» developed many Nietzsche's ideas about feelings.

KEY WORDS: philosophical anthropology, man, passion, feeling, rationalness, fanaticism, love, sorrow, awe, suffering, catharsis, anger, resentment, compassion, anxiety.

GUREVICH, Pavel S. – DSc in Philosophy, DSc in Philology, professor, chief research fellow at the department of the history of anthropological doctrines, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow.

gurevich@rambler.ru; gurevichph@gmail.com
<https://iphras.ru/gurevich.htm>

Received at October 17, 2017.

Citation: Gurevich, Pavel S. (2018) 'Nietzsche on the Human Passions', *Voprosy Filosofii*, Vol. 8 (2018), pp. 42–51.

DOI: 10.31857/S004287440000739-7

References

- Gurevich, Pavel S. (2001) 'The Image of Enemy', *Nezavisimaya gazeta*, March, pp. 14-16 (in Russian).
Gurevich, Pavel S., Spirova, Elvira M. (2016) 'The Unrealized Duo (About the relationship of Lou Andreas-Salomé and Friedrich Nietzsche)', *Philosophical anthropology*, 2, 1, pp. 152–176 (in Russian).
Podoroga, Valeriy A. (2013) *Kairos, the Critical Moment. A Contemporary Work of Art on the March*, GRUNDRISSE, Moscow (in Russian).
Shcherbina, Aleksey V. (2006) *Competition as a Manifestation of Agonality in Economic Culture*: Author's abstract of a doctoral dissertation, Rostov-on-Don (in Russian).
Spirova, Elvira M. (2016) 'Philosophical Prerequisites of Sentimentalism', *Nikolay Karamzin and the Historical Fates of Russia. To the 250th Anniversary of Birth*, Akvilon, Moscow, pp. 65–87 (in Russian).